ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ THEORY OF JOURNALISM

УДК 070

DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(4).575-594

Вартанова Елена Леонидовна

Член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, декан Факультет журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва, e-mail: eva@smi.msu.ru

Elena L. Vartanova

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doct.habil. of Philology, Full Professor, Dean Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: eva@smi.msu.ru

Вихрова Ольга Юрьевна

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва, e-mail: financialliteracysmu@gmail.com

Olga Yu. Vikhrova

PhD in Philology, Research Fellow Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: financialliteracysmu@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Аннотация. В условиях цифровой трансформации России системная цифровизация диалога «население — власть» приобретает особое значение. Этот диалог предполагает преодоление различных аспектов цифрового неравенства, которое наряду с доступом и навыками пользования предполагает простое и доступное каждому гражданину получение достаточного объема информации о деятельности региональной власти. В рамках преодоления «цифрового неравенства» в задачи последней входит создание «цифровой информационной открытости», т.е. не только предоставление жителям регионов отчетов о своей деятельности, но и получение «обратной связи» от людей, развитие их вовлеченности в информационный диалог. Цифровая информационная открытость власти позволит не только исключить «недосягаемость» власти для граждан, но и обеспечить «двустороннюю» коммуникацию, включающую как постоянное информирование органов исполнительной власти о социально-политической ситуации в регионе, так и обеспечение условий включенности населения в процесс

принятия решений по вопросам развития субъекта и муниципалитетов. В данной статье на примере 8 субъектов РФ, характеризующихся различным уровнем экономического развития, были проанализированы веб-ресурсы региональных органов государственной власти и страницы высших должностных лиц субъектов в социальных сетях. Выявлено, что для поддержания диалога «власть — население» в рамках решения задач создания и поддержания «цифровой информационной открытости» важным фактором развития в настоящее время выступает законодательное регулирование на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова. Цифровое неравенство, коммуникационное пространство, доступ, цифровая информационная открытость.

Информация о статье. Дата поступления 16 ноября 2020 г.; дата принятия к печати 25 ноября 2020 г.; дата онлайн-размещения 23 декабря 2020 г.

AUTHORITIES' DIGITAL INFORMATION OPENNESS AS A TOOL FOR OVERCOMING DIGITAL DIVIDE IN RUSSIA

Abstract. In the context of Russia's digital transformation, the systemic digitalization of the dialogue between the public and the authorities is gaining particular relevance. The dialogue involves dealing with various problems of digital inequality, which include not only access to information and individual user skills but also ensuring simple process of getting the required amount of information about the local authorities' activity. The role of the authorities here is providing the "digital information openness", i.e. reporting to the local community about their work, receiving feedback from the residents and involving them in the informational dialogue. Authorities' digital information openness will help to make them approachable for people and achieve "two-way" communication with the public. This will keep the government bodies well informed about the real socio-political situation in the region and guarantee the public's involvement in the process of making decisions on development of the region and municipalities. The article analyzes web resources of government agencies and social network accounts of highest officials in eight RF constituent territories with various levels of economic development. The analysis shows that one of the key factors of supporting the dialogue between authorities and the public and developing digital information openness is federal and local legislative regulation.

Keywords. Digital divide, communication environment, access, digital information openness.

Article info. Received November 16, 2020; accepted November 25, 2020; available online December 23, 2020.

Введение

Быстрая цифровая трансформация современного общества не только открыла новые перспективы общественного развития, но и обострила складывавшиеся в последние годы социальные противоречия, которые были вызваны прогрессом

информационно-коммуникационных технологий. Среди ключевых проблем особо выделяется проблема цифрового неравенства, или цифрового разрыва (от англ. *digital divide*). Она обращает внимание не только на неравенство доступа пользователей к компьютерам и другим цифро-

вым устройствам, технологической инфраструктуре, но и на неравные условия реализации прав людей в обществе, на сокращение возможностей их гражданского участия, профессионального развития, снижение качества жизни, возникающие при условии отсутствия или недостаточного уровня доступа к цифровой медиасреде [1–3].

Концепция цифрового неравенства давно перешла из статуса чисто академической проблемы в широкую плоскость социально-политической жизни. На протяжении нескольких десятилетий политическое руководство разных стран мира, международные организации обсуждают пути выхода из цифрового неравенства, разрабатывают политические программы, законодательную базу для решения данной проблемы, направляют на это значительные ресурсы и ищут эффективные инструменты борьбы с цифровыми разрывами как новыми препятствиями социального развития.

В Российской Федерации в настоящее время действует ряд документов, формулирующих задачи цифрового развития на государственном уровне. Так, в 2008 г. была принята «Стратегия развития информационного общества», поставившая задачу в полной мере реализовать потенциал цифровой информационной революции в российском обществе и противостоять новым угрозам, вызванным процессами цифровизации. Непосредственное внимание на преодоление цифрового неравенства обратил Ф3 «О связи» (в редакции от 2014 г.). Он поставил задачу по устранению цифрового неравенства между жителями городского и сельского населения путем создания точек доступа

в населенных пунктах численностью от 250 до 500 чел. и предоставление населению доступа к Интернету на скорости не менее 10 Мбит/с.

В «Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» была поставлена задача повышения грамотности населения в области информационных технологий. В 2017 г. Президент РФ подписал указ, утвердивший уже вторую «Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы», в которой также шла речь о создании равных условий использования цифровых информационных технологий гражданами России. Перед властью ставилась задача обеспечения прав россиян на доступ к информации в новой цифровой среде.

Решение проблемы цифрового неравенства все очевиднее приобретает практические измерения, среди которых важное место занимает активизация онлайн-взаимодействия между властью и населением, основанном на представлении о значительном потенциале цифровых технологий поддерживать общественный диалог с целью поиска решений самых сложных проблем. В этой связи важной является задача по обеспечению цифровой информационной открытости, поставленная перед органами власти уже в 2003 г. в постановлении Правительства РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти». Документ обязал органы государственной власти создать интернет-ресурсы, содержащие информацию об их деятельности.

Другим документом, регулирующим вопрос цифровой информационной открытости органов власти субъектов, стал ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (2009 г.). Именно он обязал государственные органы власти обеспечивать открытость своей деятельности и объективное информирование граждан посредством активного использования цифровых информационных технологий.

В настоящее время Интернет продолжает свое активное внедрение в жизнь российского общества. В 2020 г. уже около 95 миллионов россиян имели доступ к сервисам и контенту глобальной сети, а среднее время их медиапотребления приблизилось к 10 часам в сутки. Однако в нашей стране все еще не решена проблема цифрового неравенства, не достигнут универсальный доступ к социальным медиа, не сформирована повсеместная цифровая информационная открытость власти.

Цифровое неравенство как предмет междисциплинарных исследований

За два последних десятилетия академическое понимание цифрового неравенства трансформировалось от социального неравенства, вызванного комплексом технологических и экономических проблем, которые приводят к неравному доступу к цифровым технологиям и интерактивным телекоммуникационным сетям, до сложнейшей междисциплинарной проблемы использования цифровых технологий и медиа в современной жизни, включающей антропологические, социальные,

культурные, глобальные аспекты [4–6; 1; 7–9; 2; 3; 10; 11].

Для территориально протяженной, климатически и этнически разнообразной, экономически и технологически неоднородно развитой Российской Федерации цифровое неравенство в условиях быстрого развития Интернета, цифровизации экономики и других сторон жизни общества становится одной из актуальнейших научно-практических проблем [12; 2; 13]. Несмотря на принятие ориентированных на преодоление существующих цифровых разрывов политических документов, программ, политико-экономических мер на глобальном и национальном уровнях [14; 3; 15; 16, р. 167–172], решение этой сложной многоуровневой задачи во всех странах все еще требует внимания как законодателей, представителей органов власти, так и академического сообщества [17].

С момента вхождения в академический дискурс осмысление цифрового неравенства прошло несколько этапов. На раннем этапе оно связывалось прежде всего с доступом людей к компьютерам и информационно-коммуникационной инфраструктуре, определяемым экономическими возможностями страны и пользователя [4; 18]. На следующем этапе понимания был сделан фокус на навыках использования технологий, на умениях людей пользоваться цифровыми устройствами, программным обеспечением, на их возможностях и мотивациях находить нужную информацию, и на связи этих явлений с многочисленными социо-демографическими индикаторами [19, р. 19]. От политико-экономического подхода, который характеризовал рассмотрение цифрового неравенства в пред-

шествующих исследованиях, авторы стали уходить в сторону социологических и культурологических подходов, а также анализа регулирования новой цифровой среды [7]. На втором этапе встал вопрос и о цифровой медиаграмотности как инструменте преодоления проблемы, разработка и применение которого должны объединять усилия множества заинтересованных лиц — политиков, законодателей, органов государственной власти, образовательной и академической среды, НГО, медиа и многих других¹.

В последние годы особую популярность стала приобретать теория трех уровней цифрового неравенства, рассматривающая уровень доступа к технологиям (первый уровень), практики их применения (второй уровень) и социальные и индивидуальные эффекты от использования Интернета и ИКТ для пользователей (третий уровень) как единый комплекс проблем [20; 19].

Анализу цифрового неравенства первого уровня, главным критерием которого является наличие или отсутствие у граждан доступа ИКТ, Интернету, цифровым технологиям и соответствующей инфраструктуре, посвящено значительное число работ отечественных и зарубежных исследователей [21; 22; 4; 10; 12; 23; 24], а также отчетов коммерческих и государственных организаций².

Актуальное состояние исследовательского поля характеризуется увеличением числа работ, предлагающих комплексный анализ цифро-

вого неравенства второго и третьего уровней, их отдельных показателей, выявляющих уровень владения технологиями, даже уровень цифровой медиаграмотности и мотивацию к использованию Интернета и ИКТ, социальные преимущества, получаемые пользователями при грамотном использовании цифровых технологий в профессиональной деятельности, гражданской активности, быту. Среди них — и концептуальные постановочные исследования [25; 14; 19], и кейсы отдельных стран, в том числе и России [26; 2; 27; 20].

Следует подчеркнуть, что в последние годы цифровое неравенство все чаще рассматривается исследователями через призму социальных возможностей человека, его «включенности» или «исключенности» из современного цифрового пространства, которое все больше аккумулирует социальное, профессиональное и индивидуальное бытие человека [28]. Более того, понятия «цифровой включенности» (*digital inclusion*) и «цифровой вовлеченности» (*digital engagement*) становятся альтернативами цифрового неравенства или цифровых разрывов, направленными на достижение максимальных возможностей реализации человека в условиях цифровизации [19].

Именно поэтому отдельные составляющие, формирующие «цифровую включенность» современного человека, приобретают сегодня актуальное значение для изучения путей преодоления цифрового неравенства, для понимания вовлеченности людей в социально-политические и культурные процессы. Одной из таких составляющих можно считать цифровую информационную открытость власти.

¹ UNESCO. Global Media and Information Literacy Assessment Framework: Country Readiness and Competencies. Paris : UNESCO, 2013. 158 p.

² Там же; OECD. Annual Report. Paris : OECD Publishing, 2001. 136 p.

Концепция цифровой информационной открытости власти: актуальное понимание

В условиях цифровой трансформации общественной жизни России особую актуальность приобретает процесс цифровизации публичного диалога власти и граждан, призванного решить проблему «удаленности», даже «недостигаемости» власти для людей, что на протяжении истории нашей страны довольно часто характеризовало политическую коммуникацию России.

Процесс цифровизации общественной коммуникации может сделать взаимодействие власти и избирателей действительно «двусторонним», обеспечивая, с одной стороны, информирование органов исполнительной власти о политической, экономической, экологической и других аспектах жизни региона, и, с другой, включение граждан в процесс принятия решений по вопросам функционирования и развития субъекта и муниципалитетов. Представляется, что повышение уровня цифровой информационной открытости призвано способствовать если не полному исключению, то хотя бы значительной минимизации коррупционных рисков при реализации региональных и муниципальных программ различного целевого назначения.

В этом контексте концепция цифровой информационной открытости (ЦИО) может стать весьма полезной при анализе цифровой включенности и вовлеченности пользователей как инструмента преодоления «третьего уровня» цифрового неравенства в различных регионах России.

В настоящее время в российском академическом дискурсе от-

сутствует единое и общепринятое понятие цифровой информационной открытости, хотя уже многие исследователи при анализе деятельности органов власти различных уровней часто используют понятие «информационной открытости» [29; 30]. Однако информационная открытость может обеспечиваться не только посредством инструментов цифровизации, но и должна включать разнообразные форматы коммуникации, ориентированные на поддержание диалога «население — власть». В их числе горячие и информационно-справочные телефонные линии, встречи с населением, письменные запросы и личные обращения граждан в органы региональной и муниципальной власти и т.п.

Это иллюстрирует определение С.Н. Косарецкого, подчеркивающего, что «информационная открытость — это возможность получения сведений о деятельности органов государственной власти посредством гарантированного доступа к носителям информации (документам, а также другим аудиальным и визуальным носителям), на которых фиксируются решения, затрагивающие общественно значимые вопросы» [30, с. 57].

Как видим, в этом достаточно полном определении все-таки отсутствуют вопросы цифровизации, как и в определении, предлагаемом Национальной правовой энциклопедией. Согласно этому источнику, «информационная открытость представляет собой организационно-правовой режим деятельности любого участника социального взаимодействия, обеспечивающий любым участникам этого взаимодействия возможность получать необходимый

и достаточный объем информации о своей структуре, целях, задачах, финансовых и иных существенных условиях деятельности»³. Законодательно определение информационной открытости в настоящее время также не закреплено, хотя сам термин присутствует в п. 1 ст. 4 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁴, принятого в 2009 г. Стоит подчеркнуть, что в тексте данного федерального закона оговаривается ответственность за несоблюдение принципов открытости.

В рамках данного исследования под цифровой информационной открытостью мы понимаем возможность гарантированного получения гражданами сведений о деятельности органов власти, а также беспрепятственного и результативного участия в двустороннем диалоге «население — власть» в цифровой среде (посредством специализированных интернет-сайтов и страниц представителей органов исполнительной власти субъектов в социальных сетях). Цифровая информационная открытость органов власти, по нашему мнению, представляет собой инструмент, способствующий преодолению второго и особенно третьего уровней цифрового неравенства. Его можно охарактеризовать тремя индикаторами:

– доступность информации о деятельности региональных органов государственной власти на онлайн-порталах (далее индикатор 1);

– доступность участия граждан в общественных обсуждениях по вопросам развития региона, деятельности региональных и муниципальных органов власти, а также ее результатов, на специализированных онлайн-порталах (далее индикатор 2);

– доступность участия в двусторонней коммуникации с властью путем коммуникации функциональных страниц высших должностных лиц субъектов в социальных сетях (далее индикатор 3).

Методология исследования

В данной статье объектом изучения выступает цифровая информационная открытость органов власти субъектов РФ, отличающихся уровнем дотаций из федерального бюджета, что в значительной мере влияет на их уровень цифровизации и на уровень цифрового неравенства в регионе. Ее основной фокус внимания направлен на анализ особенностей создания официальных веб-ресурсов региональных органов государственной власти и страниц высших должностных лиц субъектов в социальных сетях.

С целью выявления наличия или отсутствия разрывов в цифровой информационной открытости субъектов РФ было проведено сравнительное исследование основных индикаторов ЦИО в субъектах РФ с различным уровнем дотаций из федерального бюджета. Выборка субъектов была сформирована на основании Приказа Минфина от 15.11.2019 г. № 1032 «Об утверждении перечней

³ Национальная политическая энциклопедия. URL: <http://politike.ru/termin/informacionnaja-otkrytost.html>.

⁴ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федер. закон от 09 февр. 2009 г. № 8-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2017) // СПС «КонсультантПлюс».

субъектов РФ в соответствии с положениями п. 5 ст. 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации». В число субъектов вошли:

1. Москва и Республика Татарстан как регионы, не являющиеся получателями дотаций в 2020 г.

2. Калининградская область как регион, в бюджете которого доля дотаций из федерального бюджета не превышает 10 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет.

3. Республики Саха (Якутия) и Крым⁵ как регионы, в бюджете которых доля дотаций из федерального бюджета превышает 10 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет.

4. Приморский край, в бюджете которого доля дотаций из федерального бюджета не превышает 20 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет.

5. Республики Алтай и Дагестан, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета превышает 40 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет.

Основной исследовательский вопрос касается того, как соблюдаются (или не соблюдаются) принципы цифровой информационной открытости в ходе реализации диалога власти и населения на примере деятельности правительств и реги-

ональных органов исполнительной власти 8 субъектов РФ. В задачи исследования входит выявление наличия и проведение анализа официальных порталов данных субъектов РФ на предмет соответствия требованиям информационной открытости, если таковые закреплены нормативными правовыми актами федерального уровня; а также выявление наличия и анализ страниц высших должностных лиц субъектов РФ в социальных сетях для определения уровня медийной активности и соответствия требованиям информационной открытости, если таковые закреплены нормативными правовыми актами федерального уровня.

Региональные порталы и онлайн-референдумы

По состоянию на октябрь 2020 г. в каждом из рассматриваемых субъектов выявлено наличие порталов, содержащие информацию о самих субъектах, а также о деятельности глав, правительств субъектов и органов местного самоуправления, описанный выше как индикатор 1 (табл. 1). Все сайты соответствуют предъявляемым в законодательном акте требованиям. В частности, каждый из них содержит всю необходимую к размещению информацию, предусмотренную специальным перечнем Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁶.

⁶ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федер. закон от 09 февр. 2009 г. № 8-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2017) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ За исключением Севастополя

Таблица 1

Онлайн-порталы анализируемых субъектов РФ

Субъект	Электронный адрес портала
Калининградская область	https://gov39.ru/
Москва	https://www.mos.ru/
Приморский край	https://www.primorsky.ru/
Республика Алтай	https://www.altairegion22.ru/
Республика Дагестан	http://www.e-dag.ru/
Республика Крым	https://rk.gov.ru/
Республика Саха (Якутия)	https://sakha.gov.ru/
Республика Татарстан	https://tatarstan.ru/

Составлено авторами по открытым источникам в октябре 2020 г.

Однако в ходе анализа индикатора 2 было выявлено, что порталы, позволяющие населению участвовать в решении вопросов, касающихся развития регионов и их муниципальных образований, существуют и функционируют только в отдельных субъектах, причем они существенно различаются по функциональному наполнению (табл. 2).

Наиболее функционально богатыми платформами, обеспечивающими повышение качества взаимодействия между исполнительной властью и населением по состоянию на октябрь 2020 г., на наш взгляд, являются: «Активный гражданин» (Москва), который представляет собой электронную площадку для проведения открытых голосований по вопросам развития различных типов инфраструктуры столицы; «Наш город» (Москва), являющийся онлайн-порталом для обращений граждан и позволяющий осуществлять контроль и оценку результатов работы органов исполнительной власти и государственных учреждений; *Oneclick Yakutia* (Якутия), объединяющий функционал «жалобной книги» и информационного портала, и «Сделай Приморье лучше», пред-

ставляющий собой не только площадку для обращений граждан, но и платформу для голосований по различным тематикам, связанным с развитием субъекта и муниципальных образований.

Важно отметить, что старейшим порталом среди наиболее функционально насыщенных является московский портал городских электронных референдумов «Активный гражданин», начавший работу 21 мая 2014 г. Портал *One Click Yakutia* был создан на основании указа Главы Республики Саха (Якутия) № 929 21 декабря 2019 г. «О цифровой платформе One Click Yakutia», а портал Приморского края был создан на основании распоряжения администрации Приморского края № 316-ра «Об информационной системе Приморского края «Сделай Приморье лучше» от 27.06.2019 г.

Остальные порталы характеризуются меньшим объемом доступных функций. Так, портал «Народный контроль» Республики Татарстан служит только для приема обращений граждан с целью решения возникающих проблем, но не предоставляет возможностей участия в принятии каких-либо решений по вопросам

Таблица 2

**Порталы, позволяющие населению участвовать в решении
вопросов местной жизни**

Субъект	Название проекта и электронный адрес портала	Функционал для населения	Вовлеченные органы власти
Калининградская область	На официальном портале субъекта функционирует интернет-приемная		
Москва	Активный гражданин (https://ag.mos.ru/home)	Проведение среди населения голосований в электронной форме по вопросам городского развития. Сферы: технологии, ЖКХ, строительство, спорт, экология, наука и инновации, медицина, государственные услуги, мой район, туризм, образование, культурное наследие, торговля и услуги, благоустройство, социальная сфера, информационные технологии, транспорт, культура, парки и зеленые зоны, экономика и бизнес, ветеринария, город, электронный дом, городские мероприятия)	Аппарат Мэра и Правительства Москвы; Комплекс городского хозяйства; Комплекс региональной безопасности и информационной политики; Комплекс транспорта и дорожно-транспортной инфраструктуры; Комплекс социального развития; Комплекс экономической политики и имущественно-земельных отношений; Комплекс градостроительной политики и строительства; Территориальные органы исполнительной власти
	Наш город (https://gorod.mos.ru/)	Контроль и оценка работы органов исполнительной власти и государственных учреждений, а также контроль и выявление нарушений в ходе работ, проводимых на объектах городского хозяйства	
Приморский край	Сделай Приморье лучше (https://25prim.ru/)	Система коммуникаций граждан и государственных структур, позволяющая каждому жителю региона принимать активное участие в развитии субъекта. Сферы: ЖКХ, автомобильные дороги, общественный транспорт, экология, соцзащита населения, культура, образование, здравоохранение, торговля, связь и телекоммуникации	Органы исполнительной власти
Республика Алтай	На официальном портале субъекта функционирует интернет-приемная		

Продолжение табл. 2

Субъект	Название проекта и электронный адрес портала	Функционал для населения	Вовлеченные органы власти
Республика Дагестан	Активный гражданин Республика Дагестан (https://ag.e-dag.ru/)	Голосование с целью решения социально-значимых для субъекта вопросов. Темы опросов по состоянию на октябрь 2020: Переход на цифровое ТВ, ЕГЭ в РД, сохранение языкового разнообразия в РД, образовательные услуги, финансовая грамотность	Информация отсутствует
Республика Крым	На официальном портале субъекта функционирует интернет-приемная; предлагается ссылка на платформу взаимодействия граждан и власти iGrajdanin.ru*		
Республика Саха (Якутия)	Oneclick Yakutia (http://yakutia.click/)	Связь с представителями муниципальных образований, исполнительными и законодательными органами государственной власти, ответственными службами и надзорными органами с целью решения проблем в муниципальных образованиях (автодороги, благоустройство, дворы и территории общего пользования, медицина, многоквартирные дома, мусор, общественный транспорт, образование, плата за ЖКУ, связь и телевидение, соцобслуживание и защита, экономика и бизнес, водоснабжение и газоснабжение, информационные технологии, культура, портал госуслуг, МФЦ, природа и экология, строительство, физкультура и спорт, электроснабжение, ветеринария, лесное хозяйство, парки культуры и отдыха, погребение и похоронное дело, общественное питание, лесное хозяйство, сельское хозяйство и охота), а также предложение идей по улучшению жизни в населенных пунктах	Представители муниципальных образований, исполнительные и законодательные органы государственной власти

Окончание табл. 2

Субъект	Название проекта и электронный адрес портала	Функционал для населения	Вовлеченные органы власти
Республика Татарстан	Народный контроль (https://uslugi.tatarstan.ru/open-gov/all)	Обеспечение учета мнений граждан при совершении деятельности исполнительных органов власти. Категории: COVID, благоустройство территории, бездомные животные, ветеран живет рядом, детские сады, доступная среда, ЖКУ, жилищное строительство, безопасность, капремонт, общественный транспорт, многоквартирные дома, медицинские учреждения, автодороги, соцзащита, мобильная связь, наружная реклама, правила пожарной безопасности и др.	Территориальные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления в Республике Татарстан

* Подготовлено АНО Центр «Конвентум».

Составлено авторами по открытым источникам в октябре 2020 г.

развития субъекта и муниципальных образований. При этом категоризатор обращений носит стихийный характер и не является простым в употреблении. Единичные опросы, размещенные на портале «Активный гражданин Республика Дагестан», не систематизированы. О решениях, принятых по их результатам, а также целях проведения отдельных опросов и их инициаторах респонденты не информируются. Наиболее наглядно иллюстрирует данное положение опрос «Образовательные услуги», заверченный 16 марта 2020 г.

Отдельные порталы, обеспечивающие гражданам возможность участия в решении вопросов регионального развития, у Республик Алтай, Крыма и Калининградской области в настоящее время отсутствуют. Для отправки онлайн-обращений граждан функционируют только электрон-

ные приемные на официальных сайтах субъектов. Но этот сервис вряд ли может считаться эффективным инструментом диалога власти и населения, поскольку не предполагает формата общественного референдума, являясь закрытым для аудитории источником коммуникации.

Несмотря на то, что 17 марта 2017 г. в Совете Федерации при обсуждении необходимости усиления обратной связи исполнительной власти, органов местного самоуправления и граждан регионам было рекомендовано перенимать опыт Москвы и внедрять аналоги «Активного гражданина» и портала для обращений «Наш город»⁷, законодательного

⁷ Проект «Активный гражданин будут развивать // Российская газета. 2017. 17 марта. URL: <https://rg.ru/2017/03/17/aktivnyj-grazhdanin-i-nash-gorod-nachnut-ispolzovat-v-regionah.html>.

акта, обязующего субъекты реализовывать подобные проекты, на сегодняшний день нет, и их внедрение полностью зависит от заинтересованности региональных властей.

Активность глав субъектов в социальных сетях

Третьим критерием информационной цифровой открытости является выстраивание двусторонней коммуникации власти и населения в социальных сетях. Распространенным инструментом для реализации такого взаимодействия в регионах РФ является создание и ведение аккау-

нтов глав субъектов в социальных сетях. В данном исследовании рассматриваются аккаунты глав субъектов в социальных сетях *Instagram*, *Facebook* и *Vkontakte*.

В табл. 3 представлены результаты анализа активности глав субъектов в социальной сети *Instagram*.

Активность и эффективность деятельности глав субъектов в социальной сети *Facebook* можно оценить как низкую. Аналогичная ситуация наблюдается и в социальной сети *Vkontakte* (табл. 4 и 5).

Как можно увидеть из табл. 3–5, *Instagram* — наиболее распростра-

Таблица 3

Активность глав субъектов РФ в социальной сети *Instagram*

Субъект	Глава субъекта	Количество публикаций	Кол-во подписчиков	Численность населения*	Подписчиков к численности населения субъекта, %	Подписчиков на одну публикацию, в среднем
Калининградская область	Антон Алиханов	1 128	> 170 000	1 012 512	17	150
Москва	Сергей Собянин	1 930	> 878 000	12 678 079	7	455
Приморский край	Олег Кожемяко	768	> 102 000	1 895 868	5	133
Республика Алтай	Олег Хорохордин	394	> 26 500	220 181	12	67
Республика Крым	Сергей Аксенов	2 287	> 192 000	1 912 622	10	84
Республика Саха (Якутия)	Айсен Николаев	1 028	> 155 000	971 996	16	151
Республика Татарстан	Рустам Минниханов	11 700	> 520 000	3 902 888	13	44

* По данным Росстата на 01.01.2020 г.

Составлено авторами по открытым источникам (на 7 октября 2020 г.).

Таблица 4

Активность глав субъектов РФ в социальной сети Facebook

Субъект	Глава субъекта	Тип страницы	Кол-во подписчиков	Подписчиков к численности населения субъекта, %
Калининградская область	Антон Алиханов	Отсутствует		
Москва	Сергей Собянин	Публичная	100 000	0,8
Приморский край	Олег Кожемяко	Личная	7 458	0,4
Республика Алтай	Олег Хорохордин	Отсутствует		
Республика Дагестан	Смена главы субъекта			
Республика Крым	Сергей Аксенов	Публичная	78 370	4,0
Республика Саха (Якутия)	Айсен Николаев	Личная	13 275	1,4
Республика Татарстан	Рустам Минниханов	Отсутствует		

Составлено авторами по открытым источникам (на 7 октября 2020 г.).

Таблица 5

Активность глав субъектов в социальной сети Vkontakte

Субъект	Глава субъекта	Тип страницы	Кол-во подписчиков	Подписчиков к численности населения субъекта, %
Калининградская область	Антон Алиханов	Отсутствует		
Москва	Сергей Собянин	Личная	> 388 800	3,0
		Публичная	> 83 900	0,7
Приморский край	Олег Кожемяко	Публичная	> 5 900	0,02
Республика Алтай	Олег Хорохордин	Отсутствует		
Республика Дагестан	Смена главы субъекта			
Республика Крым	Сергей Аксенов	Личная	> 35 100	1,8
Республика Саха (Якутия)	Айсен Николаев	Личная	> 2 200	0,2
Республика Татарстан	Рустам Минниханов	Личная	> 204 500	5,2

Составлено авторами по открытым источникам (на 7 октября 2020 г.).

ненный среди глав субъектов инструмент коммуникации с пользователями. Эта сеть характеризуется постоянством обновления публикаций, при этом «лайки» подписчиков, на наш взгляд, являются наименее

объективным количественным показателем реальной посещаемости страницы в социальной сети. Именно поэтому было принято решение проанализировать число комментариев под публикациями, разме-

щенными в *Instagram*-аккаунтах глав субъектов. Результаты представлены в табл. 6.

На основании данных, приведенных в таблицах, можно сформировать топ-3 среди глав регионов. По числу подписчиков в *Instagram* к лидерам относятся главы таких субъектов, как Москва, Республика Татарстан и Республика Крым; в *Facebook* — Москва, Республика Крым и Саха (Якутия); в *Vkontakte* — Москва, Республика Татарстан и Республика Крым.

Топ-3 по соотношению числа подписчиков в социальных сетях к численности населения субъектов в социальной сети *Instagram* составляют Калининградская область, Саха (Якутия) и Республика Татарстан; в *Facebook* — Республика Крым, Саха (Якутия) и Москва, а в *Vkontakte* — Республика Татарстан, Республика Крым и Москва. В другом рейтинге — топ-3 по количеству комментариев на публикацию, лидерами стали Москва, Саха (Якутия) и Республика Татарстан.

Негативная ситуация по всем анализируемым показателям складывается применительно к Республике Алтай. При условии, что средний показатель комментариев под публикациями в аккаунтах глав субъектов равен 332 (без учета Москвы со средним числом 122 комментария), 29 комментариев на публикацию иллюстрируют существенное отставание. Наглядно демонстрирует разрыв в данном индикаторе цифровой информационной открытости региона и отсутствие аккаунтов главы в двух — *Facebook* и *Vkontakte* — из трех анализируемых социальных сетей.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Калининградской области. Наиболее слабую публикационную активность в социальной сети *Instagram* демонстрируют Республика Алтай и Приморский край. При среднем показателе 2 748 публикации на аккаунт (без учета Татарстана — 1 256), данные субъекты демонстрируют показатели в 394 и 768 соответственно.

Таблица 6

Среднее число комментариев на публикацию в аккаунтах глав субъектов в социальной сети Instagram*

Субъект	Глава субъекта	Среднее число комментариев на публикацию
Калининградская область	Антон Алиханов	123
Москва	Сергей Собянин	1 589
Приморский край	Олег Кожемяко	86
Республика Алтай	Олег Хорохордин	29
Республика Дагестан	Смена главы субъекта	
Республика Крым	Сергей Аксенов	93
Республика Саха (Якутия)	Айсен Николаев	202
Республика Татарстан	Рустам Минниханов	200

* Проанализированы 50 последних публикаций по состоянию на 7 октября 2020 г.

Составлено авторами по открытым источникам по состоянию на 7 октября 2020 г.

Подтверждает полученные выводы об уровне медийной активности глав субъектов и то, что несмотря на разные методики расчетов, аккаунты Сергея Аксенова, Айсена Николаева, Сергея Собянина и Рустама Минниханова в социальных сетях также являются лидирующими в рейтинге наиболее «живых» аккаунтов среди глав регионов РФ⁸.

В доступности для граждан участия в двусторонней онлайн-коммуникации власти и населения посредством страниц высших должностных лиц субъектов РФ в социальных сетях существует значительный разрыв: от очевидно высокого уровня в Москве до низких показателей, иллюстрирующих ситуацию «информационной изолированности» глав субъекта в Республике Алтай.

Несмотря на рекомендации федеральных властей региональным правительствам в конце 2018 г. выстраивать более эффективную работу в *SMM* и интернет-коммуникациях, использование социальных сетей для укрепления взаимодействия исполнительной власти с населением до сих пор оценена не всеми главами субъектов из выборки данного исследования. К тому же законодательных актов, обязующих субъекты наладить и/или активизировать коммуникации с населением на подобных площадках, в настоящее время также не существует. Мы полагаем, что использование подобных инструментов взаимодействия с гражданами, как и в случае с онлайн-порталами для референдумов и жалоб, зависит прежде всего от инициативы региональных властей.

⁸ Рейтинг «Самые «живые» аккаунты губернаторов в соцсетях. Центр социальных исследований «Черный куб». 9 января 2020 г.

В качестве достаточно редкого примера политического решения, нацеленного на повышение цифровой информационной открытости региона и эффективности взаимодействия власти и населения, можно считать указ главы Республика Саха (Якутия) от 28.12.2019 г. № 954 «О совершенствовании механизма работы с сообщениями граждан и организаций в социальных сетях и иных системах интерактивной связи с населением в сети Интернет», согласно которому все сообщения граждан, поступающие через официальные аккаунты исполнительных органов государственной власти, приравниваются к официальным обращениям.

Заключение

Активизация информационного взаимодействия органов власти и граждан должна быть нацелена на широкую репрезентацию в цифровой среде информации о деятельности власти, что должно способствовать повышению качества жизни, усилению эффективности демократического диалога, гарантии возможностей граждан выражать свое мнение. На это направлены многие законодательные документы РФ, направленные на преодоление цифрового неравенства и достижение «цифровой включенности» россиян.

На основании полученных в ходе эмпирического исследования результатов можно сделать вывод об эффективности законодательного закрепления мер, стимулирующих повышение уровня цифровой информационной открытости субъектов, прежде всего на федеральном уровне. При этом иллюстрацией необходимости такого законодательного закрепления является не только наличие официальных

сайтов субъектов, разработанных и функционирующих в соответствии с требованиями ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», но и то, что во исполнение пункта 1 Указа Президента РФ от 2.04.2014 г. № 198 «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» в каждом субъекте до 2018 г. были подписаны и исполняются указы об утверждении порядка направления нормативных правовых актов субъектов для размещения (опубликования) на данном портале.

Однако законодательство на региональном уровне, а также практическая деятельность региональных органов власти остаются очень разными, что приводит к значительным

различиям как в репрезентации контента на онлайн-площадках органов власти, так и на страницах глав субъектов в социальных сетях. Представляется, что с целью повышения ЦИО и сокращения цифрового неравенства второго и третьего уровней между субъектами РФ необходима разработка единых требований по созданию, наполнению и функционированию специализированных онлайн-порталов, позволяющих населению принимать непосредственное участие в развитии регионов, а также законодательное закрепление данных стандартов на уровне федерального законодательства. Аналогичная стандартизация и законодательное закрепление требований необходимо и для страниц, обеспечивающих коммуникацию граждан и органов (представителей) исполнительной власти, в социальных сетях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Van Dijk J.A.G.M. A Theory of the Digital Divide / J.A.G.M. van Dijk // *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective* / ed. M. Ragnedda, G.W. Muschert. — New York : Routledge, 2013. — P. 28–51.
2. Deviatko I. Digitizing Russia. The Uneven Pace of Progress Towards ICT Equality / I Deviatko // *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective* / ed. M. Ragnedda, G.W. Muschert. — New York : Routledge, 2013. — P. 118–133.
3. The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective / ed. M. Ragnedda, G.W. Muschert. — New York : Routledge, 2013. — 344 p.
4. Compaine B.M. The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth? / B.M. Compaine. — London : MIT Press, 2001. — 374 p.
5. Avila A. Underdeveloped ICT Areas in Sub-Saharan Africa / A. Avila // *Informatica Economica*. — 2009. — Vol. 13, iss. 2. — P. 136–146.
6. Israelashvili M. Adolescents' Over-use of the Cyber World — Internet Addiction or Identity Exploration? / M. Israelashvili, T. Kim, G. Bukobz // *Journal of Adolescence*. — 2012. — Vol. 35, iss. 2. — P. 417–424.
7. Acharya B.B. Conceptual Evolution of the Digital Divide: A Systematic Review of the Literature Over a Period of Five Years (2010–2015) / B.B. Acharya // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. — 2017. — No. 1. — P. 41–74.
8. Жеребин В.М. Цифровой раскол между поколениями / В.М. Жеребин, О.Н. Максимова // *ФЗС: Финансы. Экономика. Стратегия*. — 2015. — № 4. — С. 5–9.
9. Davaki K. The Underlying Causes of the Digital Gender Gap and Possible Solutions for Enhanced Digital Inclusion of Women and Girls / K. Davaki // *European Parliament*. — 2018. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU\(2018\)604940_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf).

10. Vartanova E. The Digital Divide and the Changing Political/Media Environment of Post-socialist Europe / E. Vartanova. — DOI 10.1177/17480485020640050501 // *Gazette: The International Journal for Communication Studies*. — 2002. — Vol. 64, iss. 5. — P. 449–465.
11. Vartanova E. New Forms of the Digital Divide / E. Vartanova, A. Gladkova // *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination* / ed. J. Trappel. — Göteborg : Nordicom, 2019. — P. 193–213.
12. Делицын Л.Л. Проблема цифрового неравенства и потенциал развития Интернета в России / Л.Л. Делицын // *Информационные процессы*. — 2006. — Т. 6, № 2. — С. 124–130.
13. Медиасистема России : учеб. пособие / под ред. Е.Л. Вартановой. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — 284 с.
14. Park S. *Digital Capital* / S Park. — London : Palgrave Macmillan, 2017. — 298 p.
15. Peruško Z. Media Pluralism Policy in a Post-socialist Mediterranean Media System: The Case of Croatia / Z. Peruško // *Central European Journal of Communication*. — 2013. — Vol. 2, iss. 11. — P. 204–218.
16. Smirnova O. Digital Inequalities in CIS Countries: Updated Approach to the Analysis of Situation / O. Smirnova. — DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-030-32706-4> // *Digital Inequalities in the Global South* / ed. M. Ragnedda, A. Gladkova. — Tyne : Palgrave Macmillan, 2020. — P. 159–177.
17. Nieminen H. Digital Divide and Beyond: What do we Know of Information and Communications Technology's Long-term Social Effects? Some Uncomfortable Questions / H. Nieminen. — DOI 10.1177/0267323115614198 // *European Journal of Communication*. — 2016. — Vol. 31, no. 1. — P. 19–32.
18. Norris P. *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide* / P. Norris. — DOI <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 303 p.
19. Gladkova A. Digital Divide and Digital Capital in Multiethnic Russian Society / A. Gladkova, E. Vartanova, M. Ragnedda. — DOI 10.1080/17447143.2020.1745212 // *Journal of Multicultural Discourses*. — 2020. — Vol. 15, no. 2. — P. 126–147.
20. Гладкова А.А. Модель трёх уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования республики Татарстан) / А.А. Гладкова, В.З. Гарифуллин, М. Рagnедда. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172 // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. — 2019. — № 4. — С. 41–72.
21. Avgerou C. Information Systems in Developing Countries: a Critical Research Review / C. Avgerou // *Journal of Information Technology*. — 2008. — Vol. 23, iss. 3. — P. 133–146.
22. Colley A. Impact of the Internet on our Lives: Male and Female Personal Perspectives / A. Colley, J. Maltby. — DOI 10.1016/j.chb.2007.09.002 // *Computers in Human Behavior*. — 2008. — Vol. 24, no. 5. — P. 2005–2013.
23. Положихина М.А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества / М.А. Положихина // *Экономические и социальные проблемы России*. — 2017. — № 2. — С. 119–142.
24. Бродовская Е.В. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности / Е.В. Бродовская, О.Е. Шумилова // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. — 2013. — № 3 (115). — С. 5–18.
25. Attewell P. The First and Second Digital Divides / P. Attewell // *Sociology of Education*. — 2001. — Vol. 74, no. 3. — P. 252–259.
26. Кузнецов Ю.А. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации / Ю.А. Кузнецов, С.Е. Маркова // *Экономический анализ: теория и практика*. — 2014. — № 33. — С. 12–23.
27. Rykov Y. Digital Inequality in Russia Through the Use of a Social Network Site: A Cross-regional Comparison / Y. Rykov, O. Nagornyy, O. Koltsova. — DOI 10.1007/978-3-319-69784-0_6 // *Communications in Computer and Information Science*. — 2017. — Vol. 745. — P. 70–83.
28. Dunas D.V. Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z / D.V. Dunas, S.A. Vartanov. — DOI 10.1080/17447143.2020.1751648 // *Journal of Multicultural Discourses*. — 2020. — Vol. 15, iss. 2. — P. 186–203.

29. Каришина И.Е. Особенности применения цифровых технологий как средства повышения информационной открытости органов государственной власти / И.Е. Каришина, В.М. Железнова. — DOI 10.24411/2226-6720-2020-10015 // *Налоги и финансы*. — 2020. — № 1 (45). — С. 45–52.

30. Косарецкий С.Н. Информационная открытость сайтов законодательных органов государственной власти субъектов РФ / С.Н. Косарецкий // *Среднерусский вестник общественных наук*. — 2010. — № 2 (15). — С. 57–61.

REFERENCES

1. Van Dijk J.A.G.M. A Theory of the Digital Divide. In Ragnedda M., Muschert G.W. (eds). *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, Routledge, 2013, pp. 28–51.

2. Deviatko I. Digitizing Russia. The Uneven Pace of Progress Towards ICT Equality. In M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, Routledge, 2013, pp. 118–133.

3. Ragnedda M., Muschert G.W. (eds). *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, Routledge, 2013. 344 p.

4. Compaine B.M. *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* London, MIT Press, 2001. 374 p.

5. Avila A. Underdeveloped ICT Areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica*, 2009, vol. 13, iss. 2, pp. 136–146.

6. Israelashvili M., Kim T., Bukobz G. Adolescents' Over-use of the Cyber World — Internet Addiction or Identity Exploration? *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 35, iss. 2, pp. 417–424.

7. Acharya B.B. Conceptual Evolution of the Digital Divide: A Systematic Review of the Literature Over a Period of Five Years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2017, no. 1, pp. 41–74.

8. Zherebin V.M., Makhrova O.N. The Digital Divide Between Generations. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya = FES: Finance. Economy. Strategy*, 2015, no. 4, pp. 5–9. (In Russian).

9. Davaki K. The Underlying Causes of the Digital Gender Gap and Possible Solutions for Enhanced Digital Inclusion of Women and Girls. *European Parliament*, 2018. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU\(2018\)604940_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf).

10. Vartanova E. The Digital Divide and the Changing Political/Media Environment of Post-socialist Europe. *Gazette: The International Journal for Communication Studies*, 2002, vol. 64, iss. 5, pp. 449–465. DOI: 10.1177/17480485020640050501.

11. Vartanova E., Gladkova A. New Forms of the Digital Divide. In Trappel J. (ed.). *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Göteborg, Nordicom, 2019, pp. 193–213.

12. Delitsyn L.L. The problem of digital divide, and the Internet development potential in Russia. *Informatsionnye protsessy = Information Processes*, 2003, vol. 6, no. 2, pp. 124–130. (In Russian).

13. Vartanova E.L. (ed.). *Mediasistema Rossii* [Mediasystem of Russia]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015. 384 p.

14. Park S. *Digital Capital*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 298 p.

15. Peruško Z. Media Pluralism Policy in a Post-socialist Mediterranean Media System: The Case of Croatia. *Central European Journal of Communication*, 2013, vol. 2, iss. 11, pp. 204–218.

16. Smirnova O. Digital Inequalities in CIS Countries: Updated Approach to the Analysis of Situation. In Ragnedda M., Gladkova A. (eds). *Digital Inequalities in the Global South*. Tyne, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 159–177. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-32706-4>.

17. Nieminen H. Digital Divide and Beyond: What do we Know of Information and Communications Technology's Long-term Social Effects? Some Uncomfortable Questions. *European Journal of Communication*, 2016, vol. 31, no. 1, pp. 19–32. DOI: 10.1177/0267323115614198.

18. Norris P. *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge University Press, 2001. 303 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>.

19. Gladkova A., Vartanova E., Ragnedda M. Digital Divide and Digital Capital in Multiethnic Russian Society. *Journal of Multicultural Discourses*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 126–147. DOI: 10.1080/17447143.2020.1745212.
20. Gladkova A.A., Garifullin V.Z., Ragnedda M. Model of three Levels of the Digital Divide: Current Advantages and Limitations (as Exemplified by the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Journalism Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 41–72. (In Russian).
21. Avgerou C. Information Systems in Developing Countries: a Critical Research Review. *Journal of Information Technology*, 2008, vol. 23, iss. 3, pp. 133–146.
22. Colley A., Maltby J. Impact of the Internet on our Lives: Male and Female Personal Perspectives. *Computers in Human Behavior*, 2008, vol. 24, no. 5, pp. 2005–2013. DOI: 10.1016/j.chb.2007.09.002.
23. Polozhikhina M.A. Informational and digital inequality as a new way of socio-economic differentiation of the society. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii = Economic and Social Problems of Russia*, 2017, no. 2, pp. 119–142. (In Russian).
24. Brodovskaya E.V., Shumilova O.E. Russian Users and Non-Users: Correlation and Basic Features. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes*, 2013, no. 3 (115), pp. 5–18. (In Russian).
25. Attewell P. The First and Second Digital Divides. *Sociology of Education*, 2001, vol. 74, no. 3, pp. 252–259.
26. Kuznetsov Yu.A., Markova S.E. Some Aspects of Digital Inequality Rating of the RF Regions. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2014, no. 33, pp. 12–23. (In Russian).
27. Rykov Y., Nagornyy O., Koltsova O. Digital Inequality in Russia Through the Use of a Social Network Site: A Cross-regional Comparison. *Communications in Computer and Information Science*, 2017, vol. 745, pp. 70–83. DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_6.
28. Dunas D.V., Vartanov S.A. Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*, 2020, vol. 15, iss. 2, pp. 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648.
29. Karishina I.E., Zheleznova V.M. Features of the Use of Digital Technologies as a Mean for Increasing the Information Transparency of Public Authorities. *Nalogi i finansy = Taxes and Finances*, 2020, no. 1 (45), pp. 45–52. DOI: 10.24411/2226-6720-2020-10015. (In Russian).
30. Kosaretskii S.N. Informational openness of web pages of Russian regional state legislative bodies. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*, 2010, no. 2 (15), pp. 57–61. (In Russian).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Вартанова Е.Л. Цифровая информационная открытость власти как инструмент преодоления цифрового неравенства в России / Е.Л. Вартанова, О.Ю. Вихрова. — DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(4).575-594 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 4. — С. 575–594.

FOR CITATION

Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu. Authorities' Digital Information Openness as a Tool for Overcoming Digital Divide in Russia. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 4, pp. 575–594. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(4).575-594. (In Russian).